

Запись 29.06.91г.

- Один из первых или какой?
- Ну, он не первый. Просто его напечатали.
- Слушай, я тебя знаю только как Сашу Скобова. Ты мне скажи, как тебя зовут, полное имя?
- Александр Валерьевич.
- Когда ты родился?
- В 1967г. 4 ноября.
- В Ленинграде?
- Да.

- Ну, так и что это за статья? /Речь идей о статье А. Скобова в г. Сиена в январе 1991г./

- Как разгоняли Учредительное собрание. О гражданской войне.
... Ну, во-первых, потому, что история мне интересна. Вполне по интересам. Во-вторых, я видел в этом средство какое-то... для борьбы с существующим идеологическим строем.

- История как средство? Инструмент или что?
- Считал, что знание истории необходимо для... теоретической борьбы с социальной идеологией, так что ли.
- А когда ты понял это?
- Я пошел сразу после школы на исторический, так что, значит, еще в школе к такому выводу пришел...

Скобов: Я не мог же так точно сказать... Это нужно было мне для прояснения собственной позиции, собственных взглядов. Я знал, что мне что-то ^{мен!} нравится в этом обществе. Хотелось понять, что именно и в чем причина, и ответ на это я искал в истории. Хотя я понимал, что информация у нас по истории сильно... И доступ к ней сильно затруднен, но рассчитывал все-таки преодолеть. Даже в том, что у нас доступно, какую-то информацию получить,

извлечь.

- Ты видишь какую-нибудь свою роль в том, что происходит сейчас?

- В том, что происходит сейчас?.. Скажем, сейчас, в нынешний период, я активно в общественно-политической жизни не участвовал. И последнее мое активное участие связано, наверное, с республиканскими выборами. Тогда я был доверенным лицом нынешнего депутата Верховного Совета РСФСР Константина. Когда это было? Год назад, наверное. Когда я соглашался участвовать в этой кампании, я уже сознавал, что это на ближайшее будущее, видимо, моя последняя политическая кампания...

- На будущее - это на год, на полгода?

- На несколько лет, так скажем. Моих знакомых, которые со мной так или иначе связаны, я предупредил, что, ребята, это, мол, моя последняя кампания, мое серьезное участие, а потом я...

- А кто были эти ребята?

- У меня же много друзей и в Народном фронте, и в Демократическом Союзе, и в Народно-Трудовом Союзе. Я до этого более или менее активно участвовал в пропаганде и агитации массовой, и листовки печатал, и сам там время от времени чего-то писал...

- Ну, а почему ты понял, что это последнее твое участие?

В деятельности открытой политической?

- Я пришел к выводу, что кончается время дилетантов в политике, к которым я отношу себя. Вот такие дилетанты могли играть какую-то роль тогда, когда у нас вообще не было политической жизни в стране. Но она, Слава Богу, началась, и сейчас надо быть в этом профессионалом.

- А что значит "профессионал" и как им можно стать в этой стране? Или кто профессионал?

- Ну, для того, чтобы участвовать в каких-то политических партиях или в выборных органах, надо быть специалистом в каких-то

вопросах, там, по экономике, по праву, по тем вопросам, которые так или иначе с общественной жизнью связаны. Я не специалист по-настоящему ни в одной из этих областей. В своей любимой истории я тоже не специалист, потому что образование у меня не закончено, не систематично, я не доучился... А тут открылась возможность закончить образование, потому что только в прошлом году стало возможным по-настоящему мне восстановиться в университете. Что я и сделал. Сейчас я учусь, закончил третий курс, меня восстановили на третьем курсе. Что я буду делать, когда закончу? Пойду ли я снова участвовать в каких-то партиях, движениях? Кроме вопроса о профессионализме есть еще другие вопросы... Сейчас наступает время такой уже четко выраженной партийности. Я считал себя очень партийным, до тех пор, пока картина исчерпывалась такой черно-белой реальностью: вот они - это власть, которую нужно всячески расшатывать, а вот мы - все те, кто не вожди. И в таком контексте я с этим антиправительственным лагерем себя отождествлял, испытывал такое чувство солидарности со всеми оппозиционерами. А сейчас, и это хорошо, когда наступает переход к более или менее нормальной политической жизни, уже появляются группы гораздо более узкие, со своими гораздо более узкими интересами, начинают очень часто друг с другом бороться, причем очень часто оказывается, что в противостоящих группировках твои друзья, к которым ты в равной степени хорошо относишься, а участвовать в этом - значит занимать определенную позицию в живых конфликтах, И я себя неудобно в этом отношении почувствовал. Но для меня есть сфера, в которой я собираюсь работать после окончания образования, и оказывать влияние на общественную жизнь вне каких-то партий и группировок, что, я считаю, будет полезно

всем, - это та же история, формирование общественного сознания. Буду работать "на ниве просвещения". И в этом я хочу в будущем участвовать. Тут можно участвовать самыми разными способами, начиная с того, что просто стать учителем истории или писать какие-то вещи на эту тему.

- То есть ты не собираешься оставаться в академической сфере? Поступать в аспирантуру, защищать кандидатскую - у тебя нет таких намерений?
- Я не могу сказать точно, что не пойду, но конкретно такой цели - пойти в аспирантуру, заниматься исследовательской конкретной работой - такой установки у меня нет. Хотя кто его знает, может, и обстоятельства изменятся, и какая-то тема у меня появится...
- А на какой кафедре ты специализируешься?
- На заочном нет разделения на кафедры. Но во всяком случае, раньше, во время арестов, отсидок, когда я начинал учиться, я же в дневном начинал учиться, меня больше всего интересовала новая и новейшая история западных стран, то сейчас меня гораздо больше занимает история России. Причем без привязки к какому-то конкретному периоду, а история России в целом.
- Чтобы на данный период покончить с современным периодом, скажи мне, какая из партий тебе наиболее близка, симпатична?
- Н-да... Я надеюсь, что по-настоящему близка мне станет та партия, созданием которой сейчас занялся товарищ Шеварнадзе.
- Да ты что?..
- Серьезно. О ней пока трудно что-либо сказать, потому что только в последние дни... Одна из наших последних политических сенсаций. Он занялся созданием новой партии.
- А как он это формулирует?

- Он формулирует так: нужна новая, серьезная, массовая, оппозиционная КПСС партия, общедемократическая, в которую бы вошли ныне существующие реальные, наиболее серьезные оппозиционные силы: это и неформальные движения, и депутаты известные демократические всех уровней, какие-то известные публицисты, экономисты... То есть замах очень серьезный: объединить как можно больше живых реальных сил, самых разных, это может быть и какая-то часть более достойная и приличная, старого истеблишмента, имеющая какие-то навыки деятельности в старых структурах, это новые люди, выдвинувшиеся в связи с перестройкой, и просто какие-то общественные популярные деятели, ну, и активисты. Недавно возникло движение. Если бы они действительно смогли объединиться в какую-то такую политическую партию, которая будет способна реально бороться за победу на выборах в стране в целом, думаю, это как раз то, что надо. Хотя я понимаю, что для многих моих старых товарищей радикально настроенных это довольно-таки идиотические идеи, тем более, что руководящее положение в такой партии займут, скорее всего, представители старого истеблишмента, такие, как Шеварнадзе.

- А что ты думаешь о Шеварнадзе, как о представителе либеральной идеологии?

- Прежде всего, я его совершенно не воспринимаю, как представителя коммунистической идеологии. Ведь я думаю, что он и не был, - во всяком случае, давно, - представителем коммунистической идеологии. Скорее всего, этот тот тип людей, может быть, скорее всего, можно сравнить с сановниками старой царской империи. Это просто имперский же истеблишмен, там самые разные могли быть люди, самых разных характеров и позиций, но просто они по своей судьбе попали в правящую элиту империи. А среди пра-

вящей элиты всегда появлялись люди, достаточно широко мыслящие, широко существующие в своей системе, причем их взгляды могли эволюционировать, меняться в ходе их собственной деятельности государственной. То есть, я Шеварнадзе представляю одним из самых открытых людей правящей элиты старой, который оказался действительно многое понять и увидеть и свой старый опыт государственной системы использовать для поддержки радикальных реформ. Причем, такие люди никогда не бывают революционерами, это совершенно другой тип психологический, это, наверное, тот тип, который можно назвать либеральными бюрократами... *Своей*

- А аналогии с прошлым?

- Можно найти... Я думаю, что таких людей было много в окружении Александра II, там их можно много перечислять: Валуев, Новиков, Ланской, - деятели реформ. Ну, они и раньше были, при Александре I, и позже были, Витте и т.д.

- С аналогиями понятно. А как же тогда быть с прошлым?

- Я думаю, никому нельзя ставить в вину прошлое. Человек гораздо сложнее своего социального положения, это слишком по-марксистски: сводить человека... если он царский вельможа, значит, он поклонник самодержавия, если в прошлом член политбюро, значит, обязательно сторонник руководящей роли коммунистической партии... Я думаю, что таких людей в партийной иерархии, - для них их партийная принадлежность была формой государства, - для них их партийная принадлежность была формой государства, карьеры. Государственники, а не партийные функционеры скорее. Если он перед Леонидом Ильичем пресмыкался и всякие комплименты говорил, как товарищ Алиев в свое время, но это же была рутина придворной жизни тогдашней. Была норма. И Ельцин, я думаю, жил тогда по этим же нормам, и никто неставил это под сомнение.

- Как, по-твоему, связан Шеварнадзе с последними событиями в Грузии?

- Ровно никак не связан. Это человек, давно существующий в структурах имперского центра. И вряд ли он оказывал какое-то влияние на события в Грузии. Хотя, конечно, как грузину по национальности, ему было небезразлично, что там происходит, и он реагировал на события. Я слышал про него такую вещь, еще в застойные времена, когда в Грузии были всякие события, обострения, беспорядки, а он тогда был первым секретарем грузинского ЦК, он прилагал максимум усилий, чтобы последствия этого были минимальными. Как бы отмазывал своих. И, наверное, в рамках той системы, он делал для этого максимум возможного. Он... рассказывают такую историю, что во время каких-то начавшихся беспорядков на каком-то футбольном матче в Тбилиси, толпа разбушевалась, он вышел к толпе. Это для партапаратчика весьма нетрадиционный поступок. Далеко не каждый из них на это способен. Он как-то производил впечатление большей открытости, - и тогда уже, - по сравнению со своей средой.

- А конфликт Звиад Гамсахурдия - Эдуард Шеварнадзе?

- А в чем там суть конфликта? Есть аналогии, когда деятели каких-то радикальных антиправительственных движений, добившись власти и политической победы, становились выражителями куда больших диктаторских тенденций, авторитарных, чем представители государственной власти, с которой они боролись, и которые становятся, наоборот, представителями либеральных тенденций.

За примерами тутходить далеко не надо.

- Были у тебя какие-то мысли, когда грянула перестройка, началось масса демократических движений, по поводу того, что и ты руку к этому приложил?

- Безусловно. Я считаю, что диссидентское движение в Советском Союзе сыграло в этом очень большую роль, в плане моральной и идеологической подготовки, и я, как один из участников этого движения, тоже руку к этому приложил. Безусловно, это движение в рамках застойного тоталитарного режима, очень мало могло реально повлиять на ситуацию. Об этом постоянно тогда вопрос возникал: имеет ли смысл конфронтация с властью, политическая активность, которая не дает никаких результатов, все бесполезно, никто ^{никогда} не знает, никто не интересуется, и демократические идеи этого движения совершенно безразличны обществу, подавляющему его большинству. В лучшем случае, какая-то интеллигентская часть готова послушать и посочувствовать, но сама никогда не будет в этом участвовать, в этой борьбе с системой. Но я думаю, что кто-то должен был держать знамя. Да, почти ничего нельзя было сделать реально, но символ сопротивления должен был быть, до лучших времен ^{кому-то его нужно было} на себе таить. Условия изменились, а изменились они в том числе и благодаря диссидентскому движению, может быть, скорее косвенному его влиянию, чем прямому, ведь нужно видеть и международный аспект этих проблем - в значительной степени диссидентское движение разбудило общественное мнение на Западе, в свою очередь ориентировало политиков западных стран. И то, что они в конце концов заняли жесткую позицию по отношению к утвердившемуся у нас застальному брежневскому режиму, что, я думаю, сыграло решающую роль в появлении горбачевского руководства, которое решилось рискнуть на перемены. Здесь не столько сами нынешние действия коммунистической партии обнаружили, что у нас с экономикой, сколько международный аспект их заставлял идти на реформы,

а не
так экономика. К положению экономики в застойное время уже привыкли, смотрели на это как на то, с чем можно жить. Сама по себе экономика не подвигла бы на эту перестройку совершенно окостеневшее наше партийное руководство...

Элемент самореализации - он действительно присутствовал, как наиболее сильный побудительный мотив к диссидентской, правозащитной деятельности у всех, но при этом психологический тип мог быть разный у людей. Наверное, можно было приблизительно разделить людей, которые оказались участниками этого политического движения, которые оказались в конфликте с властью, политзаключенными и эмигрантами, на две большие группы: революционеров и правозащитников. Причем здесь возможны были какие-то переходы с одного типа на другой, сочетания в разных пропорциях того и другого, конечно, все сложнее и подвижнее. Но в целом общие установки были две. И это было с того времени, как появились первые активные инакомыслящие в Союзе, думаю, что в конце 50-х. Думаю, что один из типов был более древним, второй появился чуть позже. Революционер - первый тип, это установка, когда человек, неудовлетворенный обществом, в котором он живет, видящий какие-то его недостатки, ищет путей - сознательно ищет - какого-то активного воздействия на общество с целью его изменения. Можно еще назвать этот тип реформатором. Это может быть умеренный, может быть радикал, это все не ограничивает спектр. Но человек хочет деятельности, направленной на какие-то изменения. То есть, он начинает борьбу с государством. Государство - как бы обороняющаяся сторона. И я начал именно так.

- То есть ты по типу революционер? И сейчас?

- Ну... наверное. Меняются пропорции, но все же ведь не исчезает никуда, не проходит это все, мотивы могут меняться, но изначальный тип где-то остается. А второй тип - люди, оказавшиеся в конфликте с властью, в значительной степени невольно. Которых интересуют не планы преобразования общества, а какие-то конкретные интересы. Скажем, интеллектуальная свобода, - моя. С этого началось, наверное, правозащитное движение, когда люди стремились к интеллектуальной свободе для себя, а государство им ответило: фиг вам, никакой интеллектуальной свободы, - руководящая роль партии, марксистско-ленинская идеология, и будьте добры! А будете искать что-то на стороне, мы будем вас сажать. Грубо говоря, диссидентское движение началось с этого. Люди как-то самореализовывались, писали что-то, а их за писания начали сажать. Были слабые люди, - покорялись, а более сильные начинали этому сопротивляться. Из таких людей вышли правозащитники, а потом уже выросла идеология правозащитного движения, как бы они стали осознавать свою борьбу. Потому что изначально они, видимо, ни с кем бороться не хотели.

- А идеология - это обязательно борьба?

- Идеология защиты прав человека в наших условиях обязательно должна была стать идеологией борьбы, в любом другом обществе, даже, наверное, при диктаторских режимах, но не тоталитарных, какой-нибудь интеллигент, который не одобряет существующий строй, существующее правительство, его какие-то действия, он может жить сам по себе, не вступая с этим режимом в конфликт. Он может жить в оппозиции, не вступая в активный конфликт.

ликт. И его такой режим трогать не будет. Не любит он эту власть - пусть не любит, лишь бы в какие-нибудь революционные организации не лез. При тоталитаризме это невозможно. Власть требует активного участия всех в своих обязательных государственных, идеологических ритуалах. Если ты этого не одобряешь, ты обязательно оказываешься с ним в активном конфликте. Оно старается заставить тебя. Если ты хочешь сохранить свою личную духовную независимость от этого режима, ты вступаешь с ним в борьбу. Начиная с того, чтобы читать неподцензурную литературу, уже надо было иметь достаточную смелость, по закону этого государства становиться уголовным преступником. Оказывается в прямом конфликте с государством, его органами. Если человек не хочет отказываться от своего права читать любую литературу, он идет на открытый конфликт рано или поздно, попадает в поле зрения органов со всеми вытекающими отсюда последствиями. А возникло это правозащитное движение, - я-то сам отношения к этому не имел, я потом узнавал уже после того, как я оказался в конфликте с государством по своим революционным особенностям личности. Тут тоже интересно: при тоталитарном режиме все те, кто по каким-то причинам оказался в конфликте с государством, скоро оказываются вместе, им просто некуда деться.

*Эльза Папах
(жена А.С.)* Маленький, маленький, в восьмом классе, по головке погладили, сказали, молодец, хочешь быть похожим на Владимира Ильича Ленина? А он ответил: Ах ты, сволочь такая! /Это третий собеседник/, записалась плохо, неразборчиво/
- Ты именно хотел быть как Владимир Ильич Ленин?

Софья - Ага! И хуже. И много думал об этом. Вот не бывает так: Владимир Ильич всегда хороший и всегда прав, а Троцкий и Каменев

всегда сволочи и всегда не правы. Вот не бывает так в жизни!

Что-то не так там.

Д. Панах /Третья собеседница/ Поражает, как система ухитрялась из таких людей делать своих врагов /нрзб/

Софья: - Я Правозащитное движение я знаю только из рассказов, впоследствии - из литературы, которую я читал, и, как я сейчас это себе представляю, началось с того, что власть напала на интеллигенцию, которая начала что-то такое думать про себя, себя понимать и вне партии чего-то задумывать, и пописывать еще начала. А вот та интеллигенция, которая не хотела этому покориться, она начала защищаться, начала защищать своих, помогать своим, и в конце концов, сформулировала это для себя так: нужно добиваться от этого государства, - ни в коем случае не претендуя на его изменение, изменение строя, правительства, добиваться от существующего правительства соблюдения прав человека. Чтобы за книжки не сажали, например.

- Можно ли сказать, что твоя самоцель сегодня - осмысление того, что произошло? Какой-то анализ?

- Да, безусловно. Хотелось бы понять самому, и хотелось бы способствовать более широкому пониманию этого обществом. Потому что я уверен, уже не знаю, когда у меня сложилось такое убеждение, что адекватное понимание своей истории обществом спасает его от многих бед в будущем.

- А как ты понимаешь саму формулировку - права человека?

Зашита прав человека, борьба за права человека - нет ли в этом какого-то противоречия?

Дочь К. Подольской
- Противоестественного сочетания? Девочка спрашивала: "где живет тот самый человек, за права которого вы боретесь?" В 1988 г. это было. Я не вижу ничего противоестественного в этом сочетании.

ни. Как раз эти права тоталитарное советское государство и не признавало за людьми. Говорить в своем кругу то, что ты думаешь, было вполне опасно и могло вызвать большие неприятности, как минимум - головомойку в каком-то отделе и предупреждение: ай-ай-ай, не то говоришь, - это самая легкая форма, если ты просто вел разговоры в своем кругу, - до репрессий, лишения свободы, потери работы. Самые естественные права, которые в современном обществе, в XX веке воспринимаются как сами собой разумеющиеся. Это не всегда было так, и в Европе не всегда было так, и той же Европе понадобилось несколько сот лет, чтобы утвердить такое понятие прав человека, сегодня само собой разумеющееся. Но достаточно давно там это так. У нас это не было само собой разумеющимся, права надо было отстаивать. Государство вполне серьезно стремилось не просто оградить себя от покушений на свои власти, что делает любая диктатура, а исключить саму возможность появления инакомыслия.

- Тебе не кажется, что в этом есть некое высокомерие? Когда люди называют себя инакомыслящими, они противопоставляют себя большинству людей в этой стране, и вот у них есть претензии, что они, во-первых, думают иначе...

Кассета 2а.

Скобов А.В.

Продолжение записи 29.06.91

A.C. - Это зависит, наверное, от склада личности, темперамента личности, одному нужно все объяснить окружающим, другому это не обязательно. И как раз такие люди никогда не окажутся вместе в западном обществе. Потому что, кому обязательно объяснить все другим, он в каких-то партиях, а кому не обязательно объяснять, тот и живет сам по себе. А в наших специфических условиях это было безразлично, все оказывались в одной лагере, - и в прямом, и в переносном смысле. Неважно было, насколько тебе важно свои истины другим объяснять. А государство разницы не делало.

- Расскажите, как случилось, что вас исключили из ДС? (Дем. Сетоз)
- Чего? Вышел я, вышел. Даже заявление написал. После выборов.

Дем. Сетоз: /Третья собеседница/ Он написал его и отправил, а сам не явился. А я тогда еще на собрания ДС ходила. Кроме всего прочего, там был пункт, кажется 5-й, что в данной ситуации, а дело было в феврале 1990 г...

- Это было не в феврале, в прошлом году, но после выборов...
- /Третья собеседница/ Что принцип ненасилия не подходит, он написал, потому что советская власть если начнет какие-то репрессии, то человек, личность имеет право на сопротивление. На собрании было объявлено, что есть много заявлений о выходе, в том числе от Скобова, потому что ему не подходит ненасильственный метод.

Скобов: На самом деле было все наоборот, потому что главное, что меня не устраивало к тому времени в ДС, это принципиальное отрицание большинством союза постепенность парламентских реформ. И вообще, я в этом логики не видел, что с одной стороны отрицается невозможность постепенных парламентских реформ, а с другой стороны постоянно подчеркивается принцип ненасилия. Я не исключаю и

парламентских реформ в Советском Союзе, но если этот путь пройдется, то... Просто я считаю, что путь мирных парламентских реформ должен быть до конца использован.

- /Третья собеседница/ После литовских событий /а дело было вскоре после этого/ все были /и разб/

- А в чем заключались все остальные пять пунктов?

- Было про то, что я в принципе не исключаю путь парламентских реформ... А остальные пункты были чисто формальные: что я давно не участвую в деятельности ^сюза, не плачу членских взносов, что, несмотря на решение большинства членов ДС бойкотировать выборы, я активно участвовал в агитации за определенных кандидатов. Это было главным, меня добило решение ДС не участвовать в выборах, и я не видел возможности примирить свою позицию по поводу выборов с позицией ДС:

- А как ты стал членом ДС?

- Ну, за этим мне далеко ходить не надо было. Еще до организации ДС я очень хорошо знал компанию тех, кто ДС основал. В Москве это был в 1988г. семинар "Демократия и гуманизм", который ~~с~~новала Валерия Новодворская, собирался на одной из частных неформальных квартир. На самом деле эта квартира была организационно не оформлена, как и семинар, это было просто место, где собирались оппозиционно настроенные молодые люди и изыскивали разные способы активного действия против власти. Там подобралась определенная компания. Это сильно пересекалось с организацией, которая называлась "Группа за установление доверия между Востоком и Западом". Это сложная довольно группа. Основана она была еще в застой, когда за это сажали, в 1982г. Одним из основателей был довольно известный художник, потом уехавший, Сергей Батурина, но там сменилось несколько составов в этой группе, что было вполне естественно, потому что каждый состав отчасти уезжал, отчасти садился, на их место приходили

новые люди. Наверное, за время своего существования эта группа сильно изменилась, я в том году не был знаком с этими людьми. Я познакомился с ними в 1987г., когда вышел на свободу, с последним составом. С Подольцевой, с Дебрянской. Подольцева жила здесь в Питере, и это собирала такой семинарчик у себя на квартире, я небольшую тусовку. Я туда ходил... Вообще на эти тусовки люди ходили пообщаться друг с другом, а заодно иногда организовывали какие-то митинги, за которые сажали. В основном приходила туда молодежь, такая... нонконформистская, жаждущая активного действия. В смысле каких-то идеальных позиций - в принципе, большинство таких оппозиционных групп, что в застой, что позже, стремились, даже когда это выглядело, как кошмарное потрясение всех основ, к нормальному западному государству. К либеральному, парламентскому, многопартийному, с нормальной экономикой. Но они обычно собирались отдельно. Скажем, у нынешних националистов свои отдельные какие-то тусовки были. Хотя бывали и переходы. *[Начинает чистить посуду]*

- Ты занимаешься домашним хозяйством?
- Женя Г. Пакетр
- /Третья собеседница/ Сейчас со страшной силой. Потому что ~~поступают в~~ занималась институт, и домашним хозяйством в основном занимается он.
- Гуляешь с ребенком, кормишь его?
- /Третья собеседница/ Кормить его не надо, он сам ест. Надо только поставить перед ним еду, посадить его, и ест сам. Иногда он бросает на пол ложку, надо подобрать ее. "Ай-ай-ай" - это тот, кто бросает на пол ложки, обрывает обои, мочит постель...

А.С. - Отрицательный персонаж.

Вопр. - А в магазин любишь ходить?

А.С. - Ужасно. В магазин обычно ходим вдвоем, чтобы больше унести. И по очереди.

- А что сейчас из себя представляет ДС?
- /Третья собеседница/ ДС представляет из себя следующих персонажей: ветерана Валера Терехова по кличке Бублик, (и если это записывается, то надо стереть). Я не знаю, почему у него такая кличка. Когда мы с Сашкой впервые в Москву приехали, все спрашивали: "Ну, как там у вас Бублик?"
- AC - Старая его компания знает его как Бублика, компания Волжонского, Дээсовская компания уже не очень его знает под этой кличкой...
- /Третья собеседница/ Паша Матвеев, бритая с лопоухими ушами голова партии, есть такой Гриша Иванов - это склонный характер партии. Это все.
- Три человека?
- Нет, конечно, не три, это самые яркие персонажи.
- Ну, человек двадцать там есть еще масс, всего человек 80 списочного состава. Это в Ленинграде. Да, есть еще один персонаж яркий - это Леша Богданов, как бы неотъемлемая радикальная часть партии, числится номинально, ~~исходя из их исторических подходов~~. Не выходит из ДС ради ~~каких~~ имиджа ДС, но работает постоянно в ДГС - Движении гражданского сопротивления. /Нрзб/ ... Она разразилась целой часовой речью на польском языке. Это было очень тяжело, но поняли мы следующее: в партии образовались разные движения, и он решил создать небольшую партийку типа демократического союза, да?
- Бондарев? ↙
- Это Мазовецкого группа.
- /Третья собеседница/ А съесть он решил так. Поскольку они союз, они принимают организации, коллективный прием, и он заявил о вступлении своей мощной партии, а сам из этой партии вышел. А союз переварил его партию.
- А Леша Богданов - это не какой-нибудь родственник Саши Богданова?

- Болгаров он, так что не родственник и даже не однофамилец.

- Какое отношение имеет к ДС Саша Богданов?

- Несколько раз в него вступал, несколько раз выходил, по принципу "входит и выходит". Он же был везде, значит, был и в ДС. Он всюду входит, везде вступает, он всюду проникающ. Не знаю, вступал ли он в "Память", но мог.

- /Третья собеседница/ Он тогда проникал на тусовки "Памяти", были его там.

Вопрос: - Вообще интересно, что происходит с людьми, я не понимаю. Вот та же Марина Салье, или какие-то демократы. Что, у дэсовцев есть право на всякий радикализм, а у этих бывших коммунистов? Хотя людям нельзя ставить в вину их прошлое, но все-таки...

Д. Гансен /Третья собеседница/ Я не понимаю, что значит - моральное право на радикализм?

Вопрос: - Ну, например, выйти и сказать, что необходимо национализировать имущество партии.

Соболь - Ну, я думаю, любой имеет моральное право сказать, что необходимо национализировать имущество КПСС.

Вопрос: Ну, если человек еще год назад защищал партию, ~~и~~ ~~это~~ ~~сильно последних процессов~~, то через год он становится членом группы гражданского сопротивления и т.д.?

Соболь - До сих пор мы очень плохо понимаем и плохо осознали, насколько монолитно было совдеповское общество. Насколько совершенно ничтожна была в нем группа людей, не только активно участвующих в сопротивлении, а просто вполне осознанно отвергающих в принципе этот строй и коммунистическую идеологию. Это была совершенно ничтожная группа, тончайший слой. Когда началась эта перестройка, немедленно активизировался гораздо более широкий слой, и этот старый слой, который давно уже осознал, насколько этот строй по-

рочен, и почему он порочен, эта идеология порочна, т.е. те, кто давно все для себя решил, так вот этой слой моментально растворился в гораздо более широкой массе тех людей, которые только в последние годы начали что-то про это думать.

Вопрос - Но, по-моему, эти люди не растворились, они в большинстве своем ушли сейчас в сторону.²

Скобов - Я думаю, нельзя сказать, что все отошли в сторону. Мы видим яркие примеры и обратного. Видные какие-то диссиденты, старые, становятся сейчас видными общественными деятелями. Тот же Ковалев, большой человек, сенатор, председатель комиссии по правам человека, и занимается ровно тем же, чем занимался при застое, когда сидел за это в лагере. И можно такие примеры продолжить. Из политзеков сейчас много депутатов. Тот же Молостров. Другое дело, что большинство старых диссидентов не вступили ни в какие организации. Если они видные, то видные сами по себе, могут быть известными публицистами, но, как правило, они не вступают в партии. И, может быть, потому, что эта разница есть: большинство видных деятелей - это люди, которые стали думать только в последние годы и вместе с перестройкой, сейчас они - активисты разных партий и движений. Тут есть психологический барьер.

Т.К. - А у тебя никогда не появлялось желание стать депутатом?

Скобов - Я могу себя представить депутатом Верховного Совета, но совершенно не могу себя представить депутатом горсовета, потому что в горсовете надо работать. А в Верховном Совете - не обязательно, Союза или России - это безразлично. Не просто депутатской деятельности - отвечать на письма там или т.д., а заниматься городским хозяйством, например. Такой депутат должен быть компетентен в делах управления.

- А ты не хочешь или не можешь?
- Во-первых, я этой сферы жизни совершенно не знаю, и она мне не интересна. Парламентская работа более или менее понятна - это законодательная деятельность, парламентские какие-то баталии. И на самом деле парламентская работа заключается в том, чтобы произносить речи и голосовать при принятии тех или иных законов. Ну, можно работать в комиссии, подготавливать какие-то решения или законы, но это уже не обязательно. А любой местный орган власти гораздо больше должен быть задействован в работе по хозяйственному управлению, по повседневному, по администрации, по нуждам граждан. По сути дела, у нас смешение понятий. Когда стали строить демократию, в очередной раз все смешалось, и в частности, смешали органы самоуправления и органы власти. А это разные вещи. Органы самоуправления не есть органы власти. Они не издают законов, действуют в рамках законов, установленных более высокими структурами, занимаются текущими делами. Для меня это более сложно, чем законодательная деятельность. Мне легче представить себе, какие законы нужны на уровне республики или Союза, чем заниматься городским хозяйством, и представить, какие здесь нужны решения.
- Так почему Ленсовет терпит поражение за поражением?
- Потому, в значительной степени именно поэтому. Большинство людей, туда пришедших, из демократов, у них познания политические ограничиваются общими представлениями о политике, и очень неконкретны. Это люди, как правило, некомпетентные в делах местного конкретного управления. Они не то что в этом не разбираются, а неоткуда было этому и научиться. Быть активистом какого-то неформального движения мало для того, чтобы заниматься городским хозяйством. Проблема еще в чем? У нас

дефицит людей грамотных, подготовленных, с опытом. Эта волна радикального демократического движения пришла к власти в крупных городах - в Питере, в Москве и частично на уровне Российской Федерации, в значительной степени состоит из аутсайдеров. Страдаем очень сильно за счет того, что в это движение пришло слишком мало людей из старых структур власти. В принципе, в этом ничего экстраординарного нет. В любую перестройку, ломку, переходный период, всегда к новым людям, пришедшим в власть, присоединяется какая-то часть людей из старых структур. Это нормальный исторический процесс. А у нас он проходит почему-то очень болезненно. Отчасти, наверное, потому, что процент нормальных людей в этих структурах власти наверняка ниже, чем, скажем, в структурах царской России.

- Что значит нормальный человек в этом смысле?

- Для этого этот человек должен как минимум полностью не ~~потерять~~ свои моральные качества...

~~- Нормальный - это не аутсайдер!~~

- Применительно к людям старой власти я имею виду, что этот человек не бедарь, а у нас в старых структурах власти очень был велик процент бездарностей, серых людей, некомпетентных тоже. Нужно было быть компетентным во всяких партийных играх, чтобы продвигаться. А по-настоящему талантливых бюрократов на своем поприще у нас тоже очень мало. А во-вторых, старый строй проявлял очень жесткие требования в людям, делавшим бюрократическую карьеру, в области отказа от всяких моральных принципов. Это не значит, что обязательно все должны быть совершенно аморальными. Всегда, в любом государстве, в ~~структур~~ власти находятся какое-то количество людей с совестью и с человеческими качествами. Но у нас, видимо, ниже, чем в любом другом государстве. У нас, видимо, наиболее полно была прове-

дена деградация личности. И внизу, и наверху. Сильнее люди испорчены, чем где бы то ни было. Старались все живое и всю совесть отсечь. А с другой стороны, плохо принимают таких людей. У них идеология экстремистская, марксистская что ли, наоборот: значит, он сволочь, значит, ему доверять нельзя. А собственно, чем они гордятся? Ведь большинство нынешних демократов не проявили себя по-настоящему в то время, когда это было опасно, и вся их заслуга в том, что они не сделали себе карьеру. Или просто потому что не сделали, или потому, что молодые были... Хотя среднего возраста тоже достаточно в демократическом движении. Но тем не менее, у них очень развита социальная гордость за то, что они остались аутсайдерами в прежней государственной системе, и презрение к тем, кто по любым причинам мог оказаться в старом аппарате, такое классовое чувство. Это плохо. Если бы этого не было, больше людей могло бы оттуда прийти в демократическое движение, но их просто оттолкнули.

T.K. - Скажи пожалуйста, ты часто рассказываешь о себе?

Скобов - Ну, в последние годы приходится периодически.

T.K. - Ты с радостью это делаешь, с удовольствием?

Скобов - Это такая штука, которая зависит от настроения.

Э.Панев /Третья собеседница/ С удовольствием, например, он рассказывал, когда МК печатали листовки... /нрзб/

T.K. - Где?

Скобов - Здесь печатали. Фотоспособом. Тогда еще типографии на нас не работали. И фотоспособ тогда еще был вполне в силе.

T.K. - Расскажи про ДС дальше.

Скобов - Чем ДС был хорош и почему он меня привлек. Постараюсь просто вспомнить ситуацию в обществе тогда. Этот слой людей, который,

независимо от того, ~~уже~~ участвовали они в этой борьбе или не участвовали, но полностью сознавали порочность этого режима, и не были подвержены никакой демагогии сверху, этот слой был очень незначителен. Причем даже в этом слое не было единства. Часть людей, которая всех понимала, из тактических соображений старалась что-то недоговаривать, маскировать какие-то свои установки, подстраиваться в перестроечное русло, подыгрывать очередной демагогии власти, заигрывать с ней. Большинство радикальных организаций, тот же Народный фронт, начинали очень ~~же~~ осторожно и очень заигрывая с властью. И, скажем, в 1988г. сказать такую вещь во вполне неформальных активных кругах, что однопартийность - это порочная вещь и нужна многопартийная система, означало вызвать большой скандал. За это уже не сажали, но за это с любого собрания тогда могли выгнать. И, конечно, нужна была какая-то группа людей, которая могла бы по таким поводам скандалить. И говорить вещи, которые тогда общественным сознанием воспринимались, ~~как~~ как что-то жуткое. На идею многопартийности тогда общество реагировало либо со страхом, либо - что враги, мол, подкидывают враждебные идеи. И это надо было ломать. Одни шли по пути постепенного приведения этого в сознание общества, исподволь, утверждая, что объективный ход вещей в конце концов сам приведет к этому, а другие шли по пути будоражения общественного сознания. Буквально шоковой терапии. Я считаю, что такие люди были нужны, и это недоразумение, что, видимо, по неразвитости общественного сознания тех и других противопоставляли, и соответственно на личностном уровне. И когда радикалы обзывали умеренных трусами и приспособленцами, а умеренные обзывали радикалов экстремистами,

предвосхищающими реакции на репрессии, основа какая конфликта была между ДС и народным фронтом? Конечно, чтобы тогда говорить о многопартийности, нужно было иметь большую смелость, потому что за это тогда запросто сажали на сутки, штрафовали, и вообще люди начинали чувствовать себя некомфортно. Но, конечно, нужны были оба подхода, и сыграли свою роль те, кто постепенно приводил к этому общественное сознание. Но сыграли свою роль и те, кто будоражил общественное сознание.

T.R. - А каково здесь соотношение между реальным сопротивлением и эпатажем?

A.C. - Очень серьезный вопрос. Думаю, что это нельзя разделить. Любой человек сложен, в нем присутствует масса мотивов, и сознательный расчет, и выпендрёж, и сознательных мотивов, и бессознательных. Сама по себе склонность к эпатажу не есть чисто негативное свойство. Само по себе это не порок. В порок это превращается, когда становится неразумным. Естественно, что люди, становившиеся на путь будоражения общества, по складу личности в большинстве были склонны к эпатажу, по своим психологическим особенностям. И это естественно: каждый выбирает себе путь в зависимости от склонностей характера. Естественно, что человек более стеснительный, который просто неудобно себя чувствует, когда говорит вещи, которые враждебно воспринимаются обществом, займет социальную позицию более умеренную. Это тоже естественно.

Гиль - А это Сашкин текст. Писал ты, а рисовал Болгаров. А вот обращение к избирателям. А вот Колпинская платформа демократического союза.

- А что такое Вахта мира?
- Вот Вахта мира, Звезда, 30 октября 1988 г.
- А ты (тоже) Скобова?
- Нет, я Денин. (?)
ПАНДЕЯХ

- А мой самый знаменитый текст есть?

- Вот он, его давали изучать вступающим. Сейчас остался один экземпляр, а вообще по городу очень много было развезено, потому что мы его делали и фотоспособом, и однажды напечатано было... Вот это висело на вахте мира, и все снимали просто на память... *

Конец кассеты.